

«ТАК Я СТАЛ БОЛЬШЕВИКОМ...»

НАВЕРНОЕ, в душе каждого человека живет своя песня. Только нужен ей тот заветный час, когда зазвучит она в полную силу, поражая и завораживая слушающих мощью и чистотой своего звучания. А если к тому же человек этот — сам художник, обретает он поистине магический дар эстетического, духовного, эмоционального воздействия.

...Мелодия возникает издадека, величавая, широкая. Неудержимым потоком разливается она, поднимаясь высь, заполняя собой все пространство сцены и зала, беря нас в плен своего обаяния и неудержимо увлекая за собой...

Еще ничего не совершилось на сцене, даже глаз не успел привыкнуть к темноте, окутавшей зрительный зал, но поэтический образ Родины, ее просторов, ее мощи уже властно зажил в спектакле. Когда же луч прожектора высветит нам фигуру человека, стоящего на авансцене, — молодого, широкоплечего, с открытым лицом и добрым, внимательным взглядом умных, чуть печальных глаз, — мы узнаем его сразу, хотя еще не произнесено ни слова, — перед нами Николай Островский.

Что же это будет? Еще одна инсценировка с детства знакомого произведения? Еще одна тщательная иллюстрация по мотивам романа «Как закалялась сталь»? Нет, не инсценировкой, не пьесой «по мотивам» и не документальной драмой, а «Драматической песней» на тему Николая

Островского» назвал режиссер Борис Равенских свой спектакль, поставленный на сцене Московского театра имени А. С. Пушкина на основе литературной композиции, написанной им вместе с писателем М. Анчаровым, «Драматическая песня»... Песня, в которой страницы романа и страницы жизни самого писателя, подлинность факта и его поэтическое осмысление режиссером, символ и реальность неразсторжимо слились воедино, составив художественную ткань постановки. И тогда в, казалось бы, хрестоматийном знакомом произведении открылись такие не изведанные еще грани, так повернулся к нам образ и самого писателя, и его героя, будто впервые встретились мы с Островским и лишь теперь узнали, как в вихрем мальчишке-подростке пробуждалась, обретала крылья душа не только революционера-борца, но и душа поэта, душа художника-большевика.

Не случайно первые слова, которые прозвучат со сцены, будут самыми важными, самыми ключевыми для понимания главной мысли режиссера-постановщика «Драматической песни»: «Меня часто спрашивают, как я стал писателем... — словно мысли вслух произносит Островский. — Сначала я стал большевиком». Это главное, о чем хотел, о чем поведал нам театр талантом, разумом, сердцем режиссера Бориса Равенских, точностью образного видения спектакля художника Василия Шапорина, талантом, темпераментом исполнителя центральной роли

Павла Корчагина актера Алексея Локтева.

Для режиссера спектакля эти два понятия — большевик и художник — неразсторжимо, как неразсторжимо были они для самого Островского. Чтобы творить новый мир, нужно уметь мечтать, чтобы уметь мечтать, нужно быть художником, нужно нести в своей душе песню. Поэзия. Мечта. Песня. Они — живая душа этого спектакля, цель и смысл которого — показать революцию как высочайший поэтический акт, и характер Корчагина — Островского как олицетворение талантливости человека-революционера, его творческого, поэтического начала.

Может быть, справедливее всего было бы назвать это сценическое повествование моноспектаклем. Темпераментно, не щадя своих сил, его ведет А. Локтев, почти не сходящий со сцены. И самые сложные, самые, казалось бы, немые, но единственно необходимые режиссеру мизансцены, несущие огромную смысловую, философскую, часто символическую нагрузку, актер оправдывает изнутри, легко, непринужденно, органично. И тем не менее это не только моноспектакль. В своей неразсторжимой слитности в нем живут одновременно два человека — Павел Корчагин и писатель Николай Островский (В. Сафонов), породивший Павку силой своей фантазии и навсегда отдавший ему свою жизнь, свой характер, свою душу. И режиссер делает нас свидетелями рождения Павла Корчагина, и поставит их рядом — молодого

сильного мужчину в военной гимнастерке и худенького юношу в белой косоворотке, только-только перешагнувшего порог своего детства, — и заставит их пройти рядом весь трудный путь мужания и становления коммуниста-бойца. А когда в финале Корчагин спросит у Островского: «Скажи, я — это ты?» — он услышит в ответ: «Нет. Ты — это я...».

Смело и дерзко, красиво и чисто проживет в спектакле свою осененную революцией, опаленную пламенем гражданской войны комсомольскую боевую юность Павла Корчагина Локтев, словно поверяя каждый свой шаг крылатыми словами, которые произнесет позже, много позже: «Самое дорогое у человека — это жизнь». Она дается один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, и, умирая, смог сказать: «Вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества». Эти слова прозвучат в минуту, когда Павел — Локтев узнает о смерти Ленина. Перешагнув через рампу, спустится он на несколько ступенек в зал, и мы увидим, как слезы потоком заливают его лицо. Он произнесет клятву, и клятва эта станет нашей клятвой. А потом так же медленно, но безостановочно начнет он долгий подъем по головокруглительно крутой лестнице арьерсцены, пока не достигнет самого верха и не зарыдает там отчаянно-горько, привалившись телом к металлическим перилам.

«Так я стал большевиком», — скажет, глядя на своего героя, Островский. Казалось бы, один проход по лестнице, но в нем весь трудный путь двудесятиного героя спектакля — от мальчика, что учился у матроса Жухры быть противника «не рукой, а всем... сердцем», до сознательного большевика-ленинца, в котором, как того хотел Островский, «отразилось солнце партии». Такие моменты спектакля принято называть режиссерскими находками. И сколько же их, идейно точных, образно емких, щедро рассыпано по всему спектаклю.

Режиссер Равенских — поэт сцены. Все, к чему прикасаются его руки на сценической площадке, обретает неожиданного и всегда возвышенно-прекрасный смысл. Свободным обобщениям, могучим образам-символам, на которые так щедро его неиссякаемая фан-

тазия, не только не обязательны, а словно бы противопоставлены, и мелкие бытовые детали, и временные приметы. Правда художественного образа становится в этом спектакле достовернее правды исторического факта, потому что она раскрывает душу человека... Режиссеру важно ухватить нити, из которых сплетается человеческий характер, разгадать сложный рисунок переплетения этих нитей. И здесь на помощь ему приходит художник спектакля В. Шапорин, безошибочно почувствовавший и сумевший столь же образно точно воплотить в скупых элементах сценического оформления идейный и смысловой замысел постановщика. Чуть наклонный станок, изрезанный по краям острыми, как скалы над пропастью, выступами, перечеркнут по диагонали суровым строем словно

выросших из земли гигантских штыков да оголенная кирпичная стена арьерсцены с металлическими зигзагами круто поднимающейся вверх лестницы — вот и вся аскетически-строгая и при этом такая ярко-выразительная, такая глубокая по мысли декорация, невольно рождающая в памяти поэтические строки:

Я хочу, чтоб к штыку
Приравняли перо...
Да, они оба прожили жизнь — писатель и его герой, оставаясь бойцами с пером в руке и художниками на поле боя...

Наверное, в душе каждого человека живет своя песня. Только далеко не всегда и далеко не всем дано спеть ее в полный голос. Когда же на одном дыхании выплескивается в ней вся сила человека, его мысли, чувства, энергия, вера — совершается чудо открытия. «Драматическая песня» ре-

жиссера Б. Равенских, художника В. Шапорина, актера А. Локтева представляется той вершиной, к которой каждый из них шел через годы своей творческой работы, через множество спектаклей, среди которых было и немало по-настоящему крупных побед. Но чтобы родился спектакль такой партийной страстности, такой драматической силы и такой глубины философского обобщения, потребовалась именно эта литературная основа, именно этот герой, приведшие к столь полному взаимопониманию авторов постановки «Драматической песни».

На спектакле Театра имени А. С. Пушкина не бывает равнодушных. Здесь зритель испытывает высокое, очищающее душу чувство. Очищение... Нравственное. Духовное.

И можно только горячо приветствовать, что создатели спектакля в Театре имени А. С. Пушкина — режиссер Б. И. Равенских, художник В. Ю. Шапорин и актер, исполнитель роли Павла Корчагина А. В. Локтев выдвинуты ныне на соискание Государственной премии СССР в области театрального искусства. По праву достойное выдвижение.

...Плывет, разливается вширь, улетает вавсы мелодия песни о Родине, и медленно поднимается над сценой, как на пьедестале, неподвижно застывшая фигура юноши в гимнастерке, туго перепоясанной ремнем военного образца. Павел Корчагин — человек, ставший песней.

Н. БАЛАШОВА.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля. В роли Павла Корчагина артист А. ЛОКТЕВ, в роли Риты Устинович — артистка Т. ЛЯКИНА.

Фото М. Строкова. (Фотохроника ТАСС).

«Лоск правды», 1982, 11/12